

Министерство культуры РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ имени Н. К. КРУПСКОЙ

Б П186

Т Р У Д Ы

ТОМ 21

ЛЕНИНГРАД
1970

Кафедра библиографии

Л. М. РАВИЧ

**Г. Н. ГЕННАДИ И ПРОБЛЕМА РЕПЕРТУАРА
РУССКОЙ КНИГИ**

Создание полного свода русской книги было (и остается) проблемой номер один отечественной библиографии. Еще в 70-х годах XVIII века передовая журналистика ставила этот вопрос; к этому же времени относятся отдельные попытки создания репертуара (Бантыш-Каменский, епископ Дамаскин). Труд В. С. Сопикова «Опыт российской библиографии», завершённый изданием в 1821 году, явился результатом героической единоличной работы, особенно трудной в условиях отсутствия сколько-нибудь удовлетворительного национального книгохранилища. Если относительно небольшое число издававшихся в России книг (от возникновения книгопечатания и до начала XIX века Сопиковым было выявлено всего 13 тысяч названий) еще делало возможным подобный единоличный труд, то с ростом книгопечатания в XIX веке такая работа требовала уже коллективных усилий. По данным Публичной библиотеки с 1818 по 1836 год было получено книг (по обязательному экземпляру) 12.337 названий. В «Указателе вновь выходящих книг» при «Журнале Министерства народного просвещения» за 1837—1854 гг. зарегистрировано 15.419 названий (в это число не включены синодальные издания и книги, вышедшие в Царстве Польском). Таким образом, даже по неполным данным, предоставляемым книжной статистикой, за 35 лет, прошедших после окончания работы Сопикова над «Опытом российской библиографии», было издано 27.756 книг, т. е. вдвое больше, чем за предшествовавшие 250 лет. Между тем в России, вплоть до конца XIX века, не существовало не только никаких объединений библиографов, но и ни одной крупной библиотеки, коллектив которой взялся бы выполнить гигантскую работу по созданию полного свода отечественной печатной продукции. А необходимость в таком своде все более возрастала с увеличением круга творческой интеллигенции. К 40—50-м годам труд Сопикова уже не мог удовлетворить историков русской литера-

туры и книговедов, хотя, конечно, и мог служить отправной точкой для создания нового, более полноценного репертуара русской книги.

«В период развития в библиографии особенно сильного увлечения книжной стариной, — пишет Н. В. Здобнов, — естественно возрождение идеи репертуара русской книги... Идея такого свода возникла у Геннади»¹. Это не вполне точно. «Идея репертуара» никогда и не сходилась с повестки дня. Известно, например, что А. Ф. Смирдин пытался создать «нового Сопикова», собирая всю жизнь материалы для этого труда. Работа С. Д. Полторацкого также шла в этом направлении.

В 1843 году С. А. Соболевский писал Полторацкому: «Ты, имеющий денежные средства и охоту заниматься составлением русской библиографии, сделался бы нашим русским Брюне, ...Кстати о Российской библиографии. Ее надобно издать непременно *illustré* т. е. со многими образцами шрифтов, употреблявшихся в славянских типографиях»².

Не нужно было никакого специального «увлечения книжной стариной», начавшегося уже в 50-х годах, чтобы понять важность и необходимость полного свода печатной продукции для любой исследовательской работы. У Геннади же эта «идея» возникла еще в ранней юности, задолго до того, как он сам начал увлекаться «книжной стариной». В 19 лет он читал и перечитывал Сопикова³. Лавры «отца русской библиографии» возбуждали у юноши стремление повторить его подвиг. Среди трудов, к которым Геннади собирался приступить по окончании учебы, назван, рядом с биографическим словарем, также «всеобщий русский библиографический словарь», т. е. репертуар русской книги. Это вполне естественно, ибо оба эти труда тесно связаны друг с другом. Создание одного из них влекло за собой и работу над другим. «Небезынтересно отметить, — пишет Н. В. Здобнов, — что Геннади пришел к составлению словаря писателей от идеи репертуара русской книги»⁴. Дневники и письма Геннади свидетельствуют о том, что оба эти труда были задуманы им одновременно; однако после нескольких лет работы он убедился в том, что единоличное создание репертуара в его время уже невозможно. В 1852 году Геннади записывает в своем дневнике: «Я тоже мечтал о всеобщем русском библиографическом словаре, где будут исчислены (подробно и где нужно с замечаниями) все русские книги... Но я покинул эту мысль. Для этого надо иметь под глазами все или почти все эти книги, чтобы только хорошенько записать заглавия, потому что на каталоги положиться нельзя. Но как же думать исполнить это? Еще если бы я служил, например, в Публичной библиотеке, или мог иметь нескольких помощников или получал бы помощь от других или материал, тогда бы еще можно было хоть начать. Но теперь и без того не знаешь, куда

вернуться»⁵. Но проходит год, и Геннади снова берется за эту работу. «Нынче летом, — записывает он в октябре 1853 года, — я начал осуществление давней мысли о составлении полного библиографического русского словаря»⁶.

Точно так же, как впоследствии, приступая к работе над биографическим словарем, Геннади начал с публикации ежегодных списков некрологов, — теперь он решил пробиваться к репертуару посредством годовых библиографических указателей. 4 декабря 1853 года он записывает в дневнике: «Готовится у меня годичный обзор литературы за 1853 год, т. е. список книг с ссылками на рецензии — не знаю, где печатать. Вещь для нас нужная и новая, но многие ли это сознают, и если тиснуть отдельно, многие ли купят? Но буду работать как умею и могу»⁷. Дело это, впрочем, не было столь уж новым. Еще в 1830 году В. Д. Комовский опубликовал подобный список в «Московском вестнике», а в 1847 году — В. Г. Белинский в приложении к «Современнику». Новым в замысле Геннади было то, что он предлагал снабдить свой список ссылками на рецензии. Этого, действительно, еще никто не давал в указателях подобного рода. «Не знаю, где печатать», — пишет он, и его беспокойство имело под собой основание. В годы «мрачного семилетия» библиографические отделы русских журналов пришли в упадок. И объем, и качество библиографической информации на страницах периодических изданий в 1853 году были значительно ниже, чем в 40-х годах. Одни только «Отечественные записки» проявляли неизменный интерес к библиографии. Редактор журнала А. А. Краевский (роль которого в развитии журнальной библиографии еще не оценена по достоинству) почти одновременно с Геннади пришел к мысли о возрождении годовых библиографических списков на страницах периодики. Начались поиски сотрудника; В. П. Гаевский указал на Геннади и по просьбе Краевского написал ему об этом. В ответном письме Геннади мы читаем: «Теперь о деле, которое затеял Краевский. Я очень рад его мысли и рад сделать все, что могу для ее выполнения. Но есть два препятствия, которые трудно отстранить. Я их знаю по опыту, потому что мой перечень 1853 года засел в моем картоне и здесь (в деревне — Л. Р.) мне уж трудно кончить. Во-1) указатель не может быть кончен не только к январю, но даже к маю, потому что в майских журналах 1855 года будут еще попадаться рецензии книг 1854 г. Но положим, что мы оставим несколько указаний и поспешим, то все-таки не успеем к началу года, потому что указатели книг в журнале Мин<истерства> Нар<одного> просв<ещения> выходят поздно, а без них обойтись нельзя. Я это испытал при составлении моего обзора... Вы бы, разумеется, на будущее время могли похлопотать, чтобы они выходили скорее или доставать корректурные листы и т. п. Кро-

ме этого замедления возьмите в расчет время, нужное на составление ключа азбучного, списка имен, корректуру и цензуру, и того выйдет добрый месяц.

Впрочем, Вы пишете неопределенно, что имеется в виду «библиографический указатель по всем отраслям знаний», а так как книги и так уже указываются в библиографической хронике Отечественных записок, то Краевский может быть хочет иметь только Указатель журнальных статей. В таком случае дело сладится скорее, указаний на рецензии будет немного, и нужно только условиться о системе и производстве работы... Перечень книг хорошо бы составлять кому-нибудь в Цензурном Комитете. Уж там бы не ушла ни одна книга и записалась бы во-время... Мы можем выкинуть также следующую штуку: сперва сделать и напечатать систематический указатель статей русских журналов и газет за 1854 год, а потом, впоследствии, когда успеет сделать, — Указатель книг, вышедших в России в 1854 году... Во всяком случае я Ваш ревностный сотрудник и очень рад работать с Вами и для «Отечественных записок»⁸.

И вот в приложении к «Отечественным запискам» (1855, № 8) появляется «Библиографический указатель книг, вышедших в России в 1854 году, и статей, помещенных в журналах и газетах». Это был систематический указатель со ссылками на рецензии, включивший сведения о 1312 книгах и 2940 статьях из русской периодики, — первый годовой указатель 50-х годов, открывший собою целую серию подобных работ.

Б. С. Боднарский⁹, а вслед за ним М. В. Сокурова¹⁰ высказывают предположение, что автором этого списка был сотрудник «Отечественных записок» А. Ф. Раев. Но не правдоподобнее ли предположить, что это тот самый список, о котором Геннади договаривался с редакцией «Отечественных записок»? На это указывает, кстати, и методика выполнения работы — ссылки на рецензии, наличие вспомогательного авторского указателя, — т. е. именно те приемы, о которых Геннади говорит в цитированном выше письме к Гаевскому и которые до него не применялись в указателях подобного рода.

Обращает на себя внимание и такой факт: указатель «Отечественных записок» составлен, в основном, по «Указателю вновь выходящих книг», печатавшемуся в «Журнале Министерства народного просвещения», из письма же к Гаевскому явствует, что Геннади тоже опирался в своей работе на этот источник. В середине 1855 года «Указатель» ЖМНП прекращает свое существование, и с этого времени составление регистрационных списков частными лицами становится чрезвычайно затруднительно. Списки, появляющиеся на страницах русских периодических изданий после 1855 года, опираются уже на другой источник — на обязательный экземпляр крупных би-

блиотек и поэтому составителями таких списков становятся сотрудники библиотек. Так, «Русский библиографический указатель за 1855 год» был выполнен служащим библиотеки Академии наук П. П. Ламбиным по обязательному экземпляру, поступавшему в эту библиотеку. Аналогичные указатели, базировавшиеся на обязательном экземпляре Публичной библиотеки, были составлены В. И. Межовым за 1856—1857 гг. («Отечественные записки», «Русская беседа»), 1858—1859 гг. («Журнал Министерства внутренних дел»), 1860—1864 гг. («Книжный вестник»). Естественно, что эти списки были более надежны в смысле полноты, чем те, которые составлялись частными лицами. Г. Н. Геннади, обзревая в «Литературе русской библиографии» годовые указатели 50-х гг., особо отметил работы В. И. Межова как весьма «полные и отчетливые перечни».

Как известно, русская периодическая печать (как общая, так и специальная), начиная с середины 50-х годов и до середины 60-х очень охотно помещала на своих страницах библиографические указатели текущей литературы — погодные, поквартальные и ежемесячные. Ни одно десятилетие не может похвастать такой урожайностью на ниве регистрационной библиографии. Анализируя причины этого явления, историки библиографии объясняют его общественным подъемом середины 50-х годов. «Бурное развитие науки и печати, — пишет З. Л. Фрадкина, — породило потребность в текущем учете быстро накапливающегося книжного и статейного материала и пробудило повышенный интерес к библиографии. Необходимость срочной организации текущего учета литературы усиливалась еще и тем обстоятельством, что опубликование текущих списков вновь выходящих книг, начатое Министерством народного просвещения в цензурных целях еще с 1837 г., с середины 1855 г. было прекращено»¹¹. Это, конечно, справедливо. Однако, любая общественная потребность прежде чем она осознается большинством, — угадывается авангардом общества. Так, В. Г. Белинский еще в 1847 году считал нужным публиковать в приложении к «Современнику» полугодовые регистрационные библиографические списки (№№ 6 и 12) несмотря на то, что в эти же годы издавался «Указатель» в «Журнале Министерства народного просвещения».

Белинский совершенно отчетливо представлял себе разницу в круге читателей официального «Журнала Министерства народного просвещения» и популярного в русском обществе «Современника». Естественно, что библиография, опубликованная на страницах последнего, имела бы несравненно больший общественный резонанс. Ни в коей мере не сравнивая Геннади с Белинским, следует все же отметить, что он был первым деятелем культуры, пытавшимся возродить добрую библиографическую традицию, утраченную после смерти великого критика.

Первый его годовой указатель, как видно из приведенной выше дневниковой записи, относится к 1853 году, а переговоры с Краевским — к середине 1854-го*.

Испробовав свои силы на составлении ежегодных библиографических списков, Геннади снова вернулся к мысли о создании полного свода русской книги, но теперь уже на коллективных началах. Прежде всего он обратился к М. Н. Лонгинову, признанному знатоку литературы XVIII века. Вот его письмо: «Хочу Вам сделать предложение, тем более, что все мы жалуемся на Сопикова и все нуждаемся в его словаре. Положимте-ка камень на нем как на создателе рус<ской> библиографии: дополним Сопикова. Вы скажете, что нам, даже двоим, это не по силам. И я тоже думаю. Но ведь надо же это сделать, а главное, надо кому-нибудь начать, сделать план, хоть только собрать воедино материалы. Ведь не нужно непременно чтобы мы одни работали или сделали это; можно и других присоединить к работе. Но не дадимте никому быть зачальниками и воздвигнемте себе памятник бумажный. ...Вам я предлагаю вещь основательную и возможную: новое издание Росписи Смирдина в более отчетливом виде, но в той же совершенно форме. Надеюсь, что расположение росписи Вас удовлетворяет. Впрочем, об этом переговорим. Смирдин говорил мне, что **хочет печатать** новое издание этой росписи. Но: улита едет, когда-то будет. Ему надо много денег на это, которые не так скоро окупятся и он не вдруг решится на это. Да у него можно купить его листочки (которые я видал) и право на издание. Денег мы с Вами, я думаю, найдем. Что скажете? Если скажете да, предложу Вам взять 18-й век, а я возьму 19-й. Я потому хочу 19-й, что у меня много уже сделано на листочках. ...Надо решиться, условиться, а там и за дело и клич кликнуть во весь газетный голос, чтобы все ведали, и вызвать сотрудников. Они явятся непременно и может быть совершенно бескорыстные»¹². В своем ответном письме Лонгинов выразил сожаление, что его служебные дела «будут всегда помехою в деле, которое Вы мне предлагаете». «Оно требует, — считает Лонгинов, — чтобы ему предаться всему, без развлечений, и вот причина, по которой я могу только урывками заниматься библиографией, но нахожусь в невозможности предпринять работу

* Почти одновременно с Геннади идею публикации списков текущей печатной продукции выдвинул известный санскритолог (впоследствии — профессор Петербургского университета) К. А. Косович.

В письме, написанном в мае 1854 года к В. Ф. Одоевскому, в те годы директору Румянцевского музея, Косович предложил план издания библиографического сборника, в котором был бы специальный отдел для регистрации вновь выходящих книг. «Постоянное печатание сих заглавий, — писал Косович, — не занимая слишком много места в нашем издании, предоставило бы со временем драгоценный материал для отечественной библиографии». (Письмо хранится в отделе рукописей ГПБ, в фонде В. Ф. Одоевского).

длинную и непрерывную. Одобряя вполне Ваш план, я был бы в отчаянии, если бы он не свершился; но Вам нужен другой товарищ, а не я; мне остается быть в числе сотрудников, о которых Вы говорите»¹³. Получив отказ от Лонгинова, Геннади решил обратиться ко всему кругу своих коллег и сделал это через год в своей «Литературе русской библиографии» (СПБ, 1858). В этой книге, сразу ставшей настольной для любого библиографа, Геннади высказал мысль о необходимости создания репертуара на коллективных началах и при этом высказал мысль, которую К. Н. Дерунов в своей работе «Жизненные задачи библиографии» назвал «революционной»: «Нам нужна теперь опись, сделанная по самим книгам, а не по прежним каталогам». Как раз в это же время редакция только что основанного «Русского библиографического листка» обратилась к библиографам с вопросом: каким образом довести до безукоризненной полноты перечни всех книг, поступающих в продажу?»¹⁴

Геннади воспользовался этим случаем, чтобы высказать свои требования ко всякому своду вообще.

«Всякая перечень книг, — сказано было в статье Геннади, — всякая библиография, выходящая с целью знакомить нас с запасом текущей или прошлой литературы, и не ограниченная только значением простых объявлений о новых книгах, возбуждает известного рода требования. Прежде всего от нее должно ожидать: 1. полноты, 2. отчетливости и 3. удобного, наглядного расположения»¹⁵. Далее Геннади говорит о том, как трудно библиографу в России получать сведения обо всех выходящих книгах, и приводит как образец желаемой системы пример из немецкой практики, где каждый издатель дает сведения о своей продукции в «Börsenblatt». Геннади хочет видеть нечто подобное и на родине; он прекрасно понимает, каким злом для науки является отсутствие централизованной библиографической регистрации. Статья Геннади содержит и ряд методических указаний: в частности, он говорит о необходимости точного и единообразного описания книг, требует обязательного раскрытия содержания сборников, провозглашает систематическое расположение материала наиболее удобным и современным и т. д. Эта статья является едва ли не первым в России опытом в области методики библиографии, причем небезынтересно отметить, что требования, выдвинутые Геннади, сохраняют свою актуальность до сих пор.

Роль Геннади в создании репертуара не ограничилась только мечтами и призывами. Материал для него он собирал всю жизнь. «Углубляясь в прошлое, — писал в 1904 г. Н. Г. Мартынов, — мы можем с достоверностью сообщить, что у Гр<игория> Ник<олаевича> Геннади было громадное собрание карточек с описанием книг и биографий писателей. Несколько

ящиков занимали большое помещение, но куда они девались — неизвестно»¹⁶. Материалы, собранные Геннадии, были использованы им в целом ряде работ «репертуарного» плана: «О псевдонимах русских и французских» (1857), «Les écrivains francogusses» (1874), «Список русских книг, печатанных вне России» (1875) и «Список русских анонимных книг с именами их авторов и переводчиков. Дополнение к каталогам русских книг Сопикова, Шторха, Плавильщикова, Смирдина, Глазунова и Бабунова» (1874). Самое ценное во всех этих работах — раскрытие ряда псевдонимов русских авторов.

В силу многих особенностей русской общественной жизни значительное число книг выходило анонимно или под псевдонимами. Раскрытие подлинного имени автора (в особенности для книг XVIII века) зачастую требовало скрупулезных разысканий и могло опираться только на книговедческую эрудицию библиографа, т. к. специальных словарей псевдонимов до конца XIX века в России не существовало. Авторы всех крупных ретроспективных указателей стремились, по мере своих сил и разумения, обозначать на книгах подлинные имена их авторов; тем не менее многие псевдонимы и анонимы оставались нераскрытыми. В эпоху становления историко-литературной науки (40-е—50-е годы) естественно было ожидать проявления особого интереса к выявлению полного круга отечественных писателей. 20-летний Геннадии записал в своем дневнике: «Задумал я подражать Quégarq; хочу заняться разоблачением наших псевдонимов и анонимов и впоследствии издать что-нибудь целое об этом»¹⁷. Другие крупные труды отвлекли его от этой мысли; с другой стороны, работая над словарем писателей и ученых, он постоянно сталкивался с анонимными изданиями, не раскрытыми его предшественниками. Эту работу ему пришлось отчасти проделать самостоятельно. Так, раскрытие им в «Списке русских анонимных книг» авторов 411 книг — это значительный вклад в русскую литературную историю. Эта работа Геннадии была черновым наброском к его словарю.

Характерно, что над словарями псевдонимов работали в то время почти все крупные книговеды, однако их труды, в силу ряда обстоятельств, оставались незавершенными и неопубликованными. Так, в Рукописном отделе Пушкинского дома хранится начало словаря псевдонимов, составлявшегося М. Л. Михайловым (архив Я. К. Грота), в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки — аналогичный труд П. П. Пекарского; огромный подготовительный материал для подобного словаря, собранный С. Д. Полторацким, находится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и т. д. Весьма вероятно, что Геннадии имел возможность использовать и материалы, собранные его коллегами, тем более, что он состоял в дружеских или деловых отношениях со всеми на-

званными лицами; книговедов же 50-х—60-х годов объединяла благородная традиция солидарности и взаимопомощи (многочисленные свидетельства тому мы находим в их переписке). Существенный интерес представляет и работа Геннадии «Les écrivains franco-gusses» (Дрезден, 1874) — словарь русских писателей и их произведений, написанных и опубликованных на французском языке. Среди авторов мы встречаем имена П. А. Вяземского, А. А. Дельвига, С. Д. Полторацкого, Н. И. Тургенева, П. Я. Чаадаева, А. И. Герцена. Значительное количество сочинений, учтенных Геннадии в этом труде, были запрещены к обращению в России.

Самым крупным вкладом Геннадии в создание репертуара русской книги был его «Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях и список русских книг с 1725 по 1825 год». Само заглавие этого труда показывает, что здесь имеются не только персональные «гнезда», но и все известные Геннадии безавторские книги, изданные преимущественно до 1825 года. В сущности, эта работа Геннадии — вторая (после труда Сопикова) и последняя, раскрывающая в таком объеме русскую книжную продукцию. Ее одной было бы достаточно, чтобы причислить Геннадии к ряду крупнейших библиографов, внесших свой вклад в создание репертуара русской книги.

В связи с этим необходимо остановиться на вопросе о месте общих библиографий среди работ «репертуарного» характера. Каковы, собственно, требования, которым должен отвечать репертуар национальной печатной продукции? Теория библиографии не дает на этот счет однозначного решения. «Общая библиография русской книги, — читаем мы в «Словаре книговедческих терминов» Е. И. Шамурина, — библиография всех книг на русском языке, изданных на территории СССР (включая Россию до 1917 г.) с момента возникновения книгопечатания. Синоним термина: «репертуар русской книги». Этот термин включается автором в более широкое понятие «Общая библиография» — «библиография всех книг и других произведений печати, изданных на территории страны с момента введения в ней книгопечатания»¹⁸. Очевидно, что первое толкование слишком узко, — в нем речь идет только о книгах на русском языке, причем с исключением зарубежных изданий русских книг. Второе же толкование чересчур общо и неопределенно, т. к. не дает представления о языковых границах репертуара. По-видимому, для отечественной книги, многонациональной во-первых и в силу политических причин зачастую издававшейся за границей; во-вторых, — нужны какие-то особые решения и подходы. Невьясненными остаются до сих пор вопросы: 1. можно ли причислить к работам «репертуарного» характера указатели, охватывающие русскую печатную продукцию не за

все время ее существования, а только за какой-то определенный период. (Как, например, известный труд А. К. Шторха и Ф. П. Аделунга «Систематическое обозрение литературы в России в течение пятилетия, с 1801 по 1806 год»)?; 2. должен ли репертуар отечественной книги включать только издания на русском языке? и 3. должны ли в него войти русские книги, изданные за границей? Если современная теория библиографии не дает на эти вопросы отчетливых ответов, то тем менее можно было этого ожидать от старой русской библиографии. Действительно, понятие репертуара в дореволюционной библиографии было весьма зыбким, — и не только в XVIII веке, но и в XIX. Так, «Опыт российской библиографии» Сопикова включает издания только на русском и славянских языках, но зато в чрезвычайно широко понимаемых географических границах. Шторх и Аделунг не только учитывают, но и выделяют в особый раздел книги на иностранных языках, изданные в России, но книги на русском языке, изданные за границей, регистрируют очень неполно. Работа П. А. Ефремова включает отечественные издания за десятилетие (1855—1866) только на русском языке.

Приступая к созданию «Справочного словаря» и к другим трудам репертуарного характера, Геннади не мог опереться на какие бы то ни было методические положения, поэтому объем и границы его работ достаточно расплывчаты. Кроме книг, изданных в России на русском языке, он старался достаточно полно представить и зарубежную русскую книгу (в том числе и запрещенную, как, например, сочинения А. И. Герцена и М. Л. Михайлова). Вместе с тем книги, изданные в России на иностранных языках, отражены в его словаре весьма неполно. Так, он заранее отказался от библиографирования литературы на языках, которыми он не владел (польском, грузинском и др.); что же касается писателей прибалтийских губерний, то Геннади поместил в свой словарь только некоторые из них, оговаривая, что для них уже имеется известный словарь Рекке и Напиерского. «Я помещал, — пишет он в предисловии к первому тому «Словаря», — всех печатавшихся на русском, или в России, даже иностранцев, если они служили в России или были русскими подданными..., а также книги, печатанные русскими за границею». (с. II). Однако этот принцип в «Словаре» до конца не выдержан. Следует отметить, что и позднейшая русская библиография не сформулировала отчетливых требований к репертуару. Ни труды С. А. Венгерова, ни картотека, составлявшаяся Русским библиографическим обществом, не опирались на определенные теоретико-методические установки. Объем и границы репертуара русской книги оставались весьма неопределенными. Отголоски этого явления мы ощущаем еще и сегодня.

Нечеткость понятия «репертуар русской книги» влечет за собой, кроме всего прочего, и промахи в освещении истории вопроса. В исследовании, посвященном проблеме репертуара русской книги, М. В. Машкова, полемизируя с Н. В. Здобновым и другими авторами, справедливо отмечает: «Привлекает внимание нечеткость библиографического понятия, позволяющая исследователям относить к родоначальникам национального репертуара самых различных деятелей»¹⁹. М. В. Машкова убедительно доказывает, что ни «Оглавление книг, кто их сложил», ни работа А. И. Богданова ни в коей мере не являются репертуаром русской книги. Однако дело не только в «родоначальниках». Идя далее за Н. В. Здобновым, мы видим, что он причисляет к «продолжателям Сопикова» Н. И. Греча и В. Г. Анастасевича. Следовательно, к работам, непосредственно примыкающим (не только хронологически, но и по существу) к репертуару русской книги, он относит «Современную русскую библиографию» в «Сыне отечества» Греча и составленный Анастасевичем каталог платной публичной библиотеки. Если первое имеет под собой еще какое-то основание (журнал Греча пытался давать полные сводки вновь выходящих книг, которые могли бы действительно продолжить работу по учету отечественной книжной производительности), то каталоги частных библиотек (пусть даже изданные с просветительскими целями) отнюдь не преследовали задачи полного охвата русской книги. Достаточно указать, например, что каталог Смирдина почти полностью поглотил роспись Плавильщикова, а оба они в значительной степени повторяли Сопикова. Еще меньше оснований причислять к трудам «репертуарного» характера книготорговые росписи, издававшиеся, как правило, с рекламными целями.

Издание Глазуновым труда Ефремова (носящего, действительно, репертуарный характер) в виде каталога книжного магазина — это исключение, которое никак нельзя возводить в правило. Тем не менее, обзревая труды по общей русской библиографии, историки (за исключением М. В. Машковой) называют в одном ряду Сопикова, Смирдина, Глазунова, Бабунова и т. п., считая все это этапами создания репертуара русской книги. Тут мы явно сталкиваемся со смешением работ «репертуарных» по замыслу, по сути своей и просто крупных каталогов, оперирующих большими массами книг.

Неправомерно причисляя библиотечные и книготорговые росписи к репертуарным трудам, историки библиографии исключают из этого ряда общие ретроспективные библиографические работы, между тем как именно они могут с полным правом занять почетное место в истории создания свода русской книги. В упоминавшемся выше исследовании М. В. Машковой сделано по этому поводу чрезвычайно верное наблюдение. Характеризуя «Критико-биографический словарь» С. А. Венге-

рова, автор пишет: «Труд Венгерова для нас важен не столько как смелая попытка создать исчерпывающую историю литературы и науки в России, используя форму биобиблиографического словаря, сколько тем, что он попутно являлся сводом всего написанного русскими авторами, т. е. «своеобразным репертуаром»²⁰.

С этим замечанием нельзя не согласиться. Однако вызывает удивление тот факт, что при таком взгляде на биобиблиографию М. В. Машкова оставляет вне поля зрения «Справочный словарь» Г. Н. Геннади. Эта работа может быть причислена к трудам «репертуарного» характера с еще большим основанием, чем «Критико-биографический словарь» Венгерова, хотя бы потому, что в ней учтены и безавторские книги за целое столетие, переводы с иностранных языков и ряд других изданий, не нашедших места в труде Венгерова.

— Между тем «Словарь» Геннади даже не упоминается ни в одной работе, посвященной репертуару русской книги. Говоря о вкладе Геннади в создание репертуара, обычно отмечают лишь, что он «понимал его необходимость». Думается, что на историков библиографии оказала гипнотическое влияние словарная форма труда Геннади, хотя одно лишь внимательное прочтение заглавия этой работы («Список русских книг с 1725 по 1825 год») должно было подсказать исследователям, что это свод за целое столетие. Правда, он далеко не полон, изобилует промахами, но это уже вина не столько Геннади, сколько русской библиографии его времени. Вероятно, если бы Геннади вынес безавторские книги в отдельное приложение (в «Словаре» они даны в едином алфавите с именами авторов и переводчиков), — тогда «репертуарное» значение «Справочного словаря о русских писателях и ученых» выявилось бы с большей отчетливостью*.

Присутствие в работе Геннади безавторских и анонимных книг наряду с персональными «гнездами» (да еще с различным хронологическим охватом) создавало известную путаницу и пестроту. Однако ограничиться одним лишь сводом книг Геннади не хотел. Создание словаря писателей и ученых было мечтой его юности. Над ее осуществлением он трудился тридцать лет.

Полноценный биобиблиографический словарь был высокой мечтой русских библиографов. Над ее осуществлением одновременно с Геннади трудился С. Д. Полторацкий, но его работа осталась незавершенной и неопубликованной. Между тем, необходимость подобного труда для научной работы и всевозмож-

* Кстати, так впоследствии поступил Венгеров, — огромное количество безавторских, анонимных и переводных книг натолкнуло его на мысль издать отдельно от «Критико-биографического словаря» указатель «Русские книги». По всей видимости, путь, избранный Венгеровым, был более правильным.

ного рода справок уже настоятельно ощущалась русским образованным обществом. Неудивительно поэтому, что 19-летний студент Григорий Геннади среди планов на будущее записывает: «составлять ежегодно некрологи замечательных людей русских и издавать ежегодно книгами»²¹.

Тут же мы читаем: «Теперь задумал писать биографии русских ученых. Начал собирать материалы из Москвитянина. Не знаю, что будет»²². Через два года Геннади уже более отчетливо видит свою цель. По выходе из университета он собирается приступить к составлению «Словаря (биографического) русских ученых»²³. А через пять лет после окончания университета он записывает в дневнике: «Работаю понемножку над моим справочным русским биографическим словарем»²⁴.

В этом же 1852 году состоялось знакомство Геннади с Полторацким, уже давно работавшим над словарем русских писателей.

22-го ноября 1852 года Геннади записывает в своем дневнике: «Сегодня день счастливый: я познакомился с Сергеем Дмитриевичем Полторацким. Этого знакомства давно желал, потому что оно мне и нужно, и полезно; оказалось, что оно приятно, потому что он славный, приветливый человек, страстно любит книги и книжное дело, занимается ревностно, но жаль мало оканчивает и печатает. Он мне показывал свои портфели, ящики и тетради, все полные материалов для истории литературы, био и библиографии, словаря писателей. Мы дали друг другу руку и кажется будем работать вместе. По крайней мере я без него во многом не обойдусь»²⁵. Через неделю Полторацкий наносит ему ответный визит.

«Сегодня утром просидел у меня Полторацкий. Старик, сухой, худенький, видно много переживший, глухой, но чрезвычайно быстрый и живой, впечатлительный, суетливый, совершенный живчик... Мы сговорились работать над словарем русских писателей вместе: он берет А и Б, я В и Г и потом напечатает. Что-то будет? Дело не шуточное! У него материалов бездна, у меня — ничего или почти ничего. — Но мы уже ударили по рукам: я же его подстрекнул работать и издавать, а то у него все копится и лежит. Надо хоть по частям издавать; пусть дополняют другие. — У него уже очень много планов и предположений — надо ограничиться»²⁶.

«Старику» в это время — 49 лет, молодому — 26. «Старик» сверстник и приятель Пушкина, Кюхельбекера, братьев Бестужевых, пропагандист их творчества во Франции, друг Николая и Ксенофонта Полевых, «кум, отец и единовец» «Московского телеграфа», сотрудник Керара, друг Чаадаева. Для молодого он — живая легенда. Его авторитет в библиографическом деле — непререкаем. В его картонах золотые россыпи. Но Полторацкий безмерно требователен к себе; он не решается опубли-

ковать свои материалы, пока не уверен в абсолютной достоверности каждой записи. Письма друзей Полторацкого полны нареканий на эту его чрезмерную осторожность. «Да печатай же свои биографические и библиографические сокровища. Что ты гарпагонствуешь?»²⁷, — пишет ему П. А. Вяземский. С. А. Соболевский в письмах к М. Н. Лонгинову также жалуется, что Полторацкого невозможно заставить опубликовать собранные им материалы. Эту же черту сразу подмечает и Геннади. Все-таки вначале он рассчитывает на сотрудничество Полторацкого, тем более, что у него самого не было в то время почти ничего, кроме молодости и энтузиазма.

Однако надежды Геннади на сотрудничество старшего и уже известного библиографа были тщетны. Максимализм Полторацкого делал совместную работу с ним невозможной, а планы издания словаря — бесперспективными. «С Полторацким каши не сваришь, — писал впоследствии Геннади М. Н. Лонгинову. — Мы было поговорили о 4-х первых буквах словаря писателей, да С[ергей] Д[митриевич] хочет, чтобы это был какой-то аналитически-алфавитный указатель всего и всех; чтобы под Адамом было все, что писано об Адаме в русской литературе»²⁸.

Но отступить Геннади уже не хотелось и он самостоятельно начинает громадную работу по сбору материала. Труды Геннади по истории русской литературы (в основном, персоналии писателей, публикации неизвестных работ и т. п.) и были своеобразной творческой лабораторией. Многие из этих работ содержали результаты кропотливых разысканий, которые затем были использованы им при создании словаря писателей и ученых.

Параллельно, с 1858 года, Геннади начинает публикацию целой серии сборников некрологов русских писателей, умерших в истекшем году. Первый такой биобиблиографический список, опубликованный в «Библиографических записках», имел подзаголовок: «Материалы для словаря русских писателей, посвященные С. Д. Полторацкому». Биограф Геннади — У. Г. Иваск пишет по этому поводу: «Помещенное в заголовке статьи посвящение «Материалов» С. Д. Полторацкому следует понимать в том смысле, что последним собирались сведения для задуманного им «Словаря русских писателей», отрывки из которого тогда печатались в «Северной пчеле» и «Русском вестнике» и для которого Геннади предназначил и эти свои «краткие некрологи»²⁹. Ту же версию повторяет и Н. В. Здобнов. Однако вероятнее предположить другое. Это «посвящение» было шпилькой по адресу Полторацкого, не оправдавшего надежд Геннади на совместную работу. Такое же посвящение Геннади предпослал своей работе о переводах произведений Пушкина. «Авось вас хоть этим подстрекнешь», — писал он тогда Полторацкому³⁰. Тем менее можно предполагать, что Геннади предназна-

чал свои «Некрологи» для словаря Полторацкого. Напротив, он демонстративно заявлял о намерении работать самостоятельно и независимо от старшего товарища.

Публикацию списков умерших писателей (а впоследствии и ученых) Геннади продолжал в течение 20 лет, вплоть до выхода первого тома «Словаря». Эти материалы публиковались на страницах «Библиографических записок», «Книжного вестника» и «Русского архива» (с 1864 по 1877 г.). Редакция последнего, высоко ценившая библиографическую деятельность Геннади, сочла нужным снабжать его биобиблиографические материалы пояснительными примечаниями. Так, например, в 1866 году редактор «Русского архива» П. Бартенев отметил: «Справочный словарь русских писателей и ученых есть обширный труд, задуманный и уже значительно двинутый вперед известным нашим библиографом Г. Н. Геннади. Так как подобного рода работы сопряжены с разного рода трудностями, то пропуски и обмолвки весьма легко могут встретиться. Составитель просит сообщать ему через «Русский архив» дополнения и поправки»³¹.

«Обширный и неуклонно продолжаемый труд Г. Н. Геннади, обнимающий собою всю новую русскую словесность, заслуживает полного уважения, — пишет Бартенев в 1868 году. — Ошибки и неполноты неизбежны в такого рода работах; но они могут быть исправлены и пополнены другими лицами»³².

Эти примечания не случайны. Дело в том, что среди русских журналистов нашлось немало охотников подтрунивать над работой Геннади. Лиц же, пожелавших бы «исправить и пополнить» его труд, не находилось. П. А. Ефремов, укрывшись под псевдонимом Ивана Маслова, высмеивал в «Искре» своего собрата по библиографии, а заодно и редактора «Русского архива». Так, в 45-м номере «Искры» за 1867 год им помещен «Автонекролог И. И. Маслова» с таким примечанием: «До сих пор в печати являлись только автобиографии, но вероятно, поданный г. Масловым пример побудит к составлению своих авто-некрологов господ Г-ди и Б-ва, которые донныне занимались исключительно только печатанием некрологов, и мы даже слышали, будто соревнование их на этом поприще достигло таких размеров, что уже заранее господин Ген-ди изготовил некролог господина Барт-ва, а господин Барт-нев изготовил некролог господина Ген-ди»³³.

Но вот, наконец, в 1876 году выходит в свет первый том «Справочного словаря о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях». Геннади в это время — 50 лет; он постоянно живет за границей, преимущественно в Германии, и словарь его издается в Берлине. Это обстоятельство дало автору огромное преимущество: свободу от царской цензуры. Благодаря этому Геннади имел возможность включить в свой сло-

варь биографические и библиографические справки о ряде лиц, имена которых в России были под запретом: Н. А. Добролюбова, М. Л. Михайлова, А. И. Герцене, декабристах Кюхельбекере, Пущине, Рылееве, Бестужевых.

В словаре помещены сведения о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях (до 1874—1875 гг.); относительно же лиц, некрологические сведения о которых отсутствовали, конечной датой был 1825 год. «Этим годом, сообщает Геннади в предисловии, — я ограничился еще и потому, что указываю не одни имена писателей, но и анонимные книги; а для книг, вышедших после 1825 года, мы имеем довольно обширную опись в Росписи Базунова, составленной В. Межовым».

«За сведениями о русских писателях и библиографическими справками о русских книгах, — отмечает Геннади, — приходится обращаться ко множеству разнородных источников, иногда трудно отыскиваемых. ...Собрать главнейшие и нужнейшие данные по русской библиографии, дать в сжатом виде справочную книгу, в которой можно было бы найти краткие сведения о русских писателях и книгах, и указать источники и материалы более подробных о них сведений — вот цель моего труда» (с. 1).

Следуя традиции, установленной еще Новиковым, Геннади включил в свой словарь сведения и о лицах, ничего не печатавших, но сыгравших определенную роль в развитии отечественной культуры: президентах Академии наук, министрах народного просвещения, видных издателях, владельцах крупных книжных собраний и т. п. Кроме того, Геннади, вслед за Новиковым, включает в свой «Словарь» биографии людей «простого звания», таких, например, как механик-самоучка Кулибин или «дворовый человек ярославского помещика Ф. Брянчанинова» Иван Александрович Майков, «писавший в конце XVIII ст. оды». «В «Библиографических записках», — отмечает Геннади, — рассказан случай его преследования за одно стихотворение». (т. 2, с. 276).

«Я старался, — пишет Геннади в предисловии, — привести в известность все сочинения, вышедшие в России, хотя бы и на иностранных языках, а также печатанные русскими за границей. При этом имелись в виду преимущественно книги. Указывать все статьи, помещенные в журналах, — значило бы составить указатель к русским журналам и газетам. Взяться за такой труд я не решился. Но нельзя было исключать печатные известия об авторах, которые оставили только журнальные статьи, когда такие известия мне встречались в биографиях и некрологах. При некоторых писателях, кроме исчисления книг, найдутся у меня также указания на *главнейшие* их журнальные статьи».

Приступая к сбору материала для этого труда, Геннади мечтал о критико-биографическом словаре, в котором каждому лицу была бы посвящена обстоятельная статья.

Десятки статей и заметок, опубликованных Геннади в течение четверти века, должны были войти в этот словарь. Тематика этих работ чрезвычайно пестра. Среди них: «П. И. Макаров и его журнал «Московский меркурий» (1854), «Список иностранных сочинений о Суворове» (1857), «Мысли и замечания императрицы Екатерины II» (1858), «Отзыв современника о Татищеве» (1859), «П. Чихачев в Малой Азии» (1861) и др. Такие материалы охотно принимали лучшие журналы. Так, статья о Макарове была опубликована в «Современнике», о Екатерине II — в «Атенее», о Татищеве и Чахачеве — в «Библиографических записках» и т. п. Кроме того, Геннади составил дополнения к «Обзору иностранных путешественников по России» Ф. Аделунга, указатель «Русские фельдмаршалы — писатели», «Указание библиографических сведений о замечательных людях Малороссии», в котором среди других имеются сведения о книгах и статьях, посвященных Гоголю, Капнисту, Богдановичу, Сковороде. Геннади принадлежит и одна из первых в России статей о белорусской народной поэзии и белорусских поэтах (1886).

Особое место в творчестве Геннади занимала, естественно, история русской литературы и биографии писателей. Первая же заметка, написанная молодым Геннади, — библиография изданий произведений А. Д. Кантемира (1849). Затем следуют: публикация неизвестной тогда рукописи «Автобиография И. Ф. Богдановича» (1853); «Список сочинений Гоголя» (1853); «Список сочинений и изданий Н. И. Надеждина» (1856), «Библиографические указания для биографии Сумарокова» (1856), «Данные для полного собрания сочинений Кантемира» (1858), «Еще о драматических сочинениях Екатерины II» (1858), «Об «Аввакумовском скитнике», приписанном Фонвизину» (1859), «Указатель печатных сведений о Ломоносове» (1864). Последняя работа была напечатана Академией наук на правах рукописи (всего 20 экземпляров) для исследователей, которые могли бы ее пополнить. Однако эта работа Геннади осталась незавершенной.

Особое место среди историко-литературных работ Геннади занимает его «Пушкиниана». Пушкин был его любовью, которой он был верен всю жизнь. В 1850-е годы интерес русского общества к Пушкину, как известно, возрос с новой силой. Издание сочинений великого поэта и его биография, написанная Анненковым, были восприняты современниками как большое общественное событие. Издание восторженно приветствовала вся русская журналистика; издателя торжественно чествовал круг «Современника».

Когда «Москвитянин» в 1854 году обратился к своим читателям с просьбой «о доставлении сведений о портретах русских писателей», Геннади откликнулся на этот призыв статьей «О портретах Пушкина». В ней были описаны 16 портретов поэта, частью принадлежавших Геннади, частью виденных им у других лиц. Впоследствии его богатейшее собрание гравюр пополнилось и другими портретами любимого поэта. Как только возник журнал «Библиографические записки», Геннади опубликовал в нем собиравшийся им в течение многих лет указатель «Что писано о Пушкине» (1858). Это была *первая в России* попытка отдельного свода библиографических сведений о Пушкине. В него включен ряд не только русских, но и иностранных работ (за исключением рецензий на отдельные сочинения и издания). Этим списком, как полагает У. Г. Иваск, «было положено начало серьезного исторического изучения поэта путем собирания библиографических сведений о нем»³⁴. Вслед за этим списком в тех же «Библиографических записках» была помещена и другая работа Геннади — «Переводы сочинений Пушкина». Здесь указано 78 переводов на немецкий, французский, шведский, голландский, итальянский, польский, чешский и украинский языки. Список был составлен Геннади по книгам Публичной библиотеки и частного собрания С. Д. Полторацкого. Хорошее знание основных европейских языков (в том числе и итальянского) позволило Геннади, по мнению известного пушкиниста В. В. Каллаша, «вполне познакомиться с общим характером, содержанием и значением» библиографируемого материала³⁵.

Наконец, венцом геннадиевой «Пушкинианы» явилось составленное им «Приложение к сочинениям Пушкина, изданным Я. А. Исаковым. Библиографический список всех произведений А. С. Пушкина, дополнения, черновые отрывки, не вошедшие в текст и примечания» (1860). Сюда включены и дополненный и переработанный указатель переводов, и список изданий произведений Пушкина, и полный свод биографических материалов и другой пушкиноведческой литературы. Эта работа Геннади имела громадное значение для развития пушкиноведения; она открыла длинный ряд «пушкиниан», издающихся и по сей день. Современники по достоинству оценили этот труд. Самый передовой критико-библиографический журнал эпохи «Книжный вестник» поместил очень теплую рецензию, в особенности отметившую большую работу Геннади по сбору и публикации отдельных, частью неизвестных ранее деталей, касающихся жизни и творчества поэта. «Очень интересное издание, — пишет анонимный рецензент «Книжного вестника», — за которое скажут искреннее спасибо издателю и редактору все поклонники Пушкина. В этом издании читатель знакомится с закулисной деятельностью пушкинской музы, входит в тот заветный, безыс-

кусственный внутренний мир поэта, который он скрывает от взоров современной ему публики как святыню, являясь в печати в выработанной, законченной форме своих поэтических созданий, но без которого невозможно полное понимание писателя как человека, не как поэта только; в поэтических творениях нас интересует их объективное значение и достоинство, но в них откроется для нас новая прелесть, они приобретут новую, высокую цену, если нам возможно будет проследить по ним ту внутреннюю работу творческого гения, которая совершается в душе человеческой, родственной с нашею собственной душою, и выражается в приемах исполнения, свойственных и понятных каждому из нас, — а для этого необходимо как можно тщательнее знакомиться с теми, частью мелочными, фактами деятельности писателя, с которыми он сам не желает знакомить своих современников. Г. Геннади предлагает потомкам нашего поэта богатую сокровищницу таких фактов»³⁶. М. Н. Лонгинов, в особенности высоко ценивший библиографическую часть этих «Приложений», назвал их «трудом капитальным, достойным имени почтенного нашего библиографа»³⁷.

Любопытно отметить, что следующая крупная пушкинская библиография появилась в России только через 25 лет. Это — работа В. И. Межова «Открытие памятника А. С. Пушкину в Москве в 1880 г. Сочинения и статьи, написанные по поводу этого торжества. Библиографический указатель» (СПб., 1885). А в следующем, 1886 году, вышла в свет и знаменитая «Puschkiniana» того же Межова, которую и принято считать родоначальницей всех «пушкиниан». Геннади опередил Межова на четверть столетия. И хотя он издал свою работу чрезвычайно скромно, всего лишь как приложение к Исаковскому изданию, тем не менее Геннади был создателем первой «пушкинианы», и именно от него, а не от Межова, следует вести счет этим полезным библиографическим изданиям. Следует отметить, что Геннади был знатоком и запрещенных в России произведений поэта. В его указателе «Список русских книг, печатанных вне России» (Берлин, 1875) указаны те произведения Пушкина, которые по цензурным условиям не могли появиться в России и были опубликованы за границей. К этому изданию, наряду с портретами Герцена, Рылеева был приложен и портрет Пушкина. Наконец, работа Геннади «О псевдонимах русских и французских» содержала, наряду с другими сведениями, и раскрытие ряда псевдонимов Пушкина. «Пушкиниана» Геннади была, наряду с другими его работами историко-литературного характера, своеобразной подготовкой к задуманному им гигантскому критико-биографическому словарю. Однако этот труд оказался, естественно, не под силу одному человеку, и Геннади в своем «Словаре» вынужден был, как он пишет, ограничиться «самонужнейшими краткими указаниями».

риалы найдены и введены в книговедческий оборот им самим. Это касается, прежде всего, сведений о его современниках, биографические и библиографические сведения о которых он собирал и публиковал в течение 20 лет. Так, у Геннади мы найдем первые в русской литературе библиографические указания, касающиеся поэта-революционера М. Л. Михайлова (попытка Н. В. Гербеля издать в 1866 году сочинения поэта с его библиографией не увенчались успехом). Таких примеров можно было бы привести множество*.

Кроме того (об этом уже говорилось выше), Геннади был составителем первых в России библиографических указателей о Пушкине и Гоголе, автором многочисленных заметок и публикаций по истории отечественной литературы. Все эти материалы вошли в его «Словарь». Выше уже говорилось и о том, что Н. П. Собко, по поручению Геннади, сверял рукопись второго тома словаря с книгами из фондов Публичной библиотеки. Таким образом, значительная часть работы была сделана *de visu*. Недаром та же М. В. Сокурова считает, что «как сводная библиография русской книги словарь сохраняет благодаря своему обширному и разнообразному материалу большее значение (чем в качестве биографического справочника. — Л. Р.); иногда только в нем можно найти необходимые, хотя и не всегда проверенные сведения, дающие нить для последующих разысканий»⁴⁵.

Нельзя согласиться с утверждением М. В. Сокуровой, что биографическая часть словаря Геннади совершенно устарела, — хотя бы потому, что в этой работе помещен целый ряд сведений (в основном это касается второстепенных или забытых русских писателей), которые не вошли ни в какой другой справочник.

При всех своих неизбежных недочетах словарь Геннади является уникальным памятником русской библиографии, свидетельствующим о незаурядной книговедческой эрудиции его автора, дерзнувшего единолично составить и издать труд, создание которого под силу только коллективу компетентных исследователей. Недостатки его проистекают именно от этого. Видя тщетность своих призывов к библиографической общественности, Геннади сам сделал то, что должны были бы сделать общими усилиями все современные ему библиографы.

«Словарь Геннади, — как справедливо отмечает И. М. Кауфман, — все еще сохраняет свое место в ряду основных наших библиографий дореволюционного времени»⁴⁶.

* В основном это касается как раз сведений об авторах, произведения которых были запрещены царской цензурой. Геннади был признанным знатком запрещенной книги. Из его писем к Лонгинову мы узнаем, например, что он в течение многих лет собирал материал для библиографии Рыльева. Декабристская тема занимает значительное место в его «Словаре».

Следует обратить внимание еще на один труд Геннади — неопубликованный и, вероятно, не до конца заверченный, но который еще раз свидетельствует о его неустанной работе над репертуаром русской книги.

В предисловии к 1-му тому «Справочного словаря» Геннади сообщает, что у него почти готов список книг за 1825—1855 гг. «но для напечатания его потребовалось бы немало труда и времени для его пополнения и проверки. Обещать его издание до окончания предпринятого уже словаря, — считает Геннади, — было бы преждевременным» (стр. II). По-видимому, над этим большим трудом Геннади работал не одно десятилетие. Во всяком случае, еще в 1857 году он сообщал М. Н. Лонгинову, что собирает картотеку всех русских книг этого времени, для которой предварительно разрезал «на листочки» «Роспись» Смирдина со всеми прибавлениями, «Библиографические листы» Кеппена, «Список» Комовского, «Указатель вновь выходящих книг» (с проверкой по «Отечественным запискам» времен Белинского), работы Ламбина, Межова и т. д.⁴⁷.

Вполне обоснованным представляется хронологический период, избранный Геннади для этого списка: его «Справочный словарь» включал все известные ему русские книги до 1825 года, и повторять эти сведения ему не имело смысла. Книги же, вышедшие после 1855 года, были достаточно полно учтены в серьезном труде П. А. Ефремова, изданном в качестве росписи книжного магазина Глазунова. Будь труд Геннади издан, он бы мог, вместе с его «Словарем» и работой Ефремова, представить свод русской книги с введения гражданского шрифта до 1866 года.

В тесной связи с проблемой репертуара русской книги стоял и вопрос о создании полного свода отечественной журналистики. «Опыт» Сопикова включал наряду с книгами и журналы. Авторы позднейших работ уже стремились к отдельному библиографированию этих видов печатной продукции. Над собиранием сведений о русской журналистике трудился всю жизнь С. Д. Полторацкий. Многочисленные заметки о русских журналах и газетах были им опубликованы на страницах современной ему периодики, однако эти разрозненные статьи не могли, естественно, возместить отсутствие полного свода. Собранные Полторацким обширные материалы копилась и копилась в его «картонах» и так и не были им доведены до «кондиции». Его коллеги, неоднократно обращавшиеся к Полторацкому за всевозможного рода справками, так и не смогли заставить маститого библиографа напечатать эти материалы. Между тем интерес к библиографии русских журналов, в особенности в 50-е годы, был вполне установившимся — и не только в кругах исследователей, но и среди широкой читательской публики. Чрезвычайно показательным в этом отношении является письмо

С. А. Соболевского к М. Н. Лонгинову, относящееся к началу 1857 года.

«Увидим, что такое Молва*, — пишет известный библиофил своему младшему коллеге. — Тебе бы следовало помещать в нее постоянный отдел библиографии журналов, начиная с Московских ведомостей 1703 года и до самой этой Молвы. Эти статьи составили бы историю нашей словесности за последние полтора века. Сухое исчисление листов, номеров, содержания и прочего ты мог бы приправить занимательными биографическими и литературными рассказами, на это ты великий мастер; самое же это сухое исчисление необходимо для основания, а для тебя возможно при средствах, какие предоставляет тебе твоя и Полторацкого библиотеки. Со своей стороны обещаю тебе всякую твою такую статью сверить по экземплярам здешней Публичной библиотеки в самом скором времени по сообщении мне рукописи. Этаких отдельных монографий в последнее время появилось много; но полезно было бы соединить их в одно целое, подвести под одну форму и прибрать к одному и тому же месту. Где их искать в журналах?.. Такого же рода работу я давно уже загадывал Сережке (Полторацкому — Л. Р.) и, для примера, напечатал 10 сентября 1853 года статью в Ведомостях о Ведомостях 1703, 1704, 1705 и 1706 г., где нет ни единого моего слова, но где сведены его же Полторацкого изыскания, разбросанные по многим местам... Возьмись за это ты и употреби в пользу его же бумажки, которые без того когда-нибудь сгинут и пропадут. Это тем легче, что он на этот счет очень славный малый и готов делиться... Какое дело читателю в том, что прежде тебя кто-то говорил то же? Ему нужно, чтобы не было пробелов, чтобы лежащий перед ним свод был полный свод всего доисканного и чтобы ему самому не вздумалось почесть находкою то, что уже когда-нибудь и где-нибудь было оглашено найденным»⁴⁸.

Очень любопытно, что основная мысль Соболевского совпадает с высказанной в том же 1857 году Добролюбовым, который в рецензии на «Сборник, издаваемый студентами С.-Петербургского университета» писал: «Пора бы нашим библиографам понять, что их труды получают некоторое значение только при массе сведений, и что отрывочные, мелкие указания вовсе и не стоит выпускать на божий свет затем только, чтобы они, затерянные в старых изданиях, еще раз затерялись в новых. Совсем другое — указатели или сборники довольно значительных размеров: те могут заменять сотни томов, в тех можно всегда навести нужную справку...»⁴⁹ И, действительно, разроз-

* «Молва» — еженедельная литературная газета, выходившая в Москве в 1857 г. Издатель — И. С. Аксаков. На 38-м номере издание газеты прекратилось (она была запрещена за статью «Публика и народ»).

ненных сведений о русских журналах к концу 50-х годов накопилось достаточно. Вопрос о создании свода стоял уже на очереди дня.

Г. Н. Геннади, всегда бывший в курсе злободневных проблем русской библиографии, естественно, работал и над этой темой.

Вначале он рассчитывал на сотрудничество С. Д. Полторацкого. «Не привезете ли Ваши списки журналов? — спрашивает его Геннади в письме от 2-го марта 1853 года. — Надо же соорудить полный список»⁵⁰.

Убедившись в том, что совместная работа с Полторацким невозможна, Геннади берется за нее сам. В 1854 году «Современник» публикует работу Геннади «П. И. Макаров и его журнал «Московский Меркурий» (№ 10, с. 65—94). В 1858 году в «Русском библиографическом листке» появляется статья Геннади «О библиографических журналах в России». Очевидно, еще с начала 50-х годов он начинает и сбор материала по библиографии русской журналистики. В 1873 году со страниц «Русской старины» Геннади обращается с вопросом ко всем русским библиографам: «У кого в России значительнейшие собрания русских журналов?» Это был вовсе не праздный вопрос. Составление библиографии русской периодики упиралось в отсутствие сколько-нибудь полного ее собрания. Ни крупные государственные библиотеки, ни частные коллекции не могли порознь дать представление о всей русской журналистике. Так как Геннади был в курсе работы А. Н. Неустроева, собиравшего сведения по журналистике XVIII века, то, надо полагать, сам он работал над библиографией журналов XIX века. Правда, ему не удалось создать цельного труда, но во многих его работах содержится масса сведений по русской периодике.

Наконец, перу Геннади принадлежит еще один труд, который давал в руки библиографам надежный путеводитель, итог пройденного русским книговедением пути и ключ к дальнейшим работам. Речь идет о «Литературе русской библиографии».

К. Н. Дерунов в известной работе «Жизненные задачи библиографии» предлагает свою периодизацию истории русской библиографии. Первым периодом он считает «до-сопиковский». К концу первого десятилетия XIX века уже были, по его мнению, прочно установлены все основные элементы библиографической «системы», «и к тому же с такой отчетливостью, с такой роскошью форм и комбинаций, как никогда после». Вторым период, начавшийся выдающимся трудом Сопикова, затем, в николаевское время, вылился в «смутную эпоху чисто количественного механического размножения библиографической литературы». Но завершился он «блестящим фейерверком, который, примиряя несколько со скудостью жатвы, снятой за период 1820—50 гг., имел, однако, ту невыгодную для репутации спе-

циалистов-библиографов сторону, что за ослепительной и красивой вспышкой последующая новейшая эпоха нашей библиографии показала (и действительно была) еще более мрачной». «Дело в том, — пишет далее Дерунов, — что перед лицом библиографов вставал совершенно новый вопрос: усложнившаяся проблема книжных описей теперь вопияла о какой-нибудь «системе», а система эта вынуждала перенести *центр тяжести текущих работ с описи книг вообще на специальную опись самой библиографической литературы*. И вот, в 1858 г. Геннади издает «Литературу русской библиографии», труд, которым заключается период, открывшийся «Опытom российской библиографии», и для характеристики чрезвычайного значения которого лучше всего было бы именно к нему применить слова, сказанные некогда об «Опыте»: этот труд «тем драгоценнее, чем нужнее в наши дни литератору знать все, что до него было писано... Незнавши этого, теперь гораздо лучше не приниматься за перо». После «Литературы русской библиографии», «настали, — пишет Дерунов, — самые черные дни, и это был период и новейшей русской библиографии». По его мнению, движение русской библиографии «замерло, заостенело на той точке, до которой оно дошло в 60-е годы»⁵¹.

Если сделать скидку на обычные для Дерунова эффектные преувеличения, то в целом можно считать его мысль очень верной и меткой: проблема создания репертуара русской книги упиралась в необходимость создания полной описи самой библиографической литературы. Труд Геннади, подводивший итог всему предшествующему периоду русской библиографии, мог бы стать и началом нового ее периода, более плодотворного, ибо давал в руки библиографов неопределимое пособие, подспорье для дальнейшей работы. Огромная заслуга Геннади — в том, что он первый понял взаимосвязь и взаимную зависимость этих двух жанров библиографии.

Еще 22 марта 1852 года он записал в своем дневнике: «У нас библиографов мало и писано об этом так мало, что нечего и называть (т. е. по европейской библиографии, а об русских книгах, особенно старопечатных, наберется таки кое-что). Но об этом просвещенный мир узнает когда я издам свой обзор русской библиографии!»⁵² 17 апреля того же года, он пишет, что усиленно «пополняет обзор русской библиографической литературы»⁵³.

В 1857 году, предлагая М. Н. Лонгинову сотрудничать с ним в деле создания репертуара, Геннади сообщает ему: «Кстати скажу, что у меня готова к изданию опись русской библиографии, где указано все, что печатано у нас по нашему предмету. ...Я надеюсь тиснуть ее зимою. Мои указания будут вам полезны в работе»⁵⁴.

Действительно, «Литература русской библиографии» имела

большое практическое значение для всех, работавших над созданием свода русской книги.

Но есть одна особенность, которая отличает работу Геннади. Это — широта ее тематики. В сущности, ее следовало бы назвать «Библиографией русского книговедения».

В предисловии к «Литературе русской библиографии» Геннади пишет: «Целью труда моего было приведение в известность и указание в систематическом списке по возможности всего, что напечатано в России по предмету библиографии, в книгах, брошюрах и статьях в журналах и газетах. Разумея значение библиографии в обширном смысле как *книговедение*, как *книгознание*, и по смыслу ее названия, как *книгоописание*, я указал как статьи об этом предмете, так и все собственно библиографические труды, то есть всякого рода каталоги, или списки книг и статей и словари писателей, в каком бы объеме и виде они не явились. Кроме произведений по преимуществу и существенно библиографических, я постарался исчислить все труды русских библиографов, содержанием своим подходящих под ведение библиографии, понимаемой в обширном смысле» (с. 3). Это заявление вполне в духе времени. В 50-е годы XIX века под словом «библиография» объединялся целый комплекс историко-книжных дисциплин. Из нее еще формально не выделены ни библиотековедение, ни история книги, ни текстология, ни история литературы и журналистики. Работа Геннади давала сведения об огромном количестве (787 названий) работ, равно интересных для всех трудившихся на историко-литературном поприще*.

Следует отметить, что Геннади не просто «привел в известность» эти материалы, но и раскрыл их содержание, обобщил, создал относительно стройную систему книговедения как науки. Подробные аннотации, историко-обзорные введения, предваряющие каждый раздел, послесловие, дающее обобщенную картину русской библиографии, — все это делает труд Геннади не просто хорошим указателем, а и превосходным костяком истории русского книговедения (которая в таком объеме пока еще не написана). Если добавить к этому, что в послесловии к этой работе Геннади суммировал не только достижения, но и нужды русской библиографии, то можно смело сказать, что в этом труде Геннади поднялся до вершин современной ему библиографической мысли и практики. «Литература русской библиографии» была встречена единодушным одобрением современников (редкий случай в творческой жизни Геннади!). Еще до ее появления в свет ходом работы чрезвычайно интересовались

* Тема настоящей статьи не позволяет остановиться на подробном анализе структуры «Литературы русской библиографии». Мы касаемся этой работы лишь постольку, поскольку она могла служить толчком для последующих трудов «репертуарного» плана.

Полторацкий, Соболевский и другие библиографы. Последний, по просьбе Геннади, даже просматривал корректурные листы и внес некоторые дополнения (они помещены в конце работы на страницах 178—183). Полторацкий назвал «Литературу русской библиографии» «подарком библиографическому миру». «Есть ли у Вас моя литература библиографии 1858 г.? — спрашивает Геннади известного библиографа С. И. Пономарева. — Если нет, то готов Вам доставить экземпляр»⁵⁵. «Спрашиваете Вы меня про свою «Литературу библиографии 1858 г., — отвечает ему Пономарев, — есть ли она у меня. За кого же Вы меня считаете, чтобы у меня подобной книги не было. Таким вопросом библиографу (тем более провинциальному) даже обидеться можно»⁵⁶. В 4-м номере «Русского библиографического листка» за 1858 года редакция объявила: «Новости русской литературы». Особенно приятна новость, близко касающаяся сердца русского библиографа: Г. Н. Геннади приступил к изданию полезного труда своего: Опись русской библиографии. Она включает в себе богатое собрание материалов отечественного книговедения, и будет служить настольной книгой библиографа, путеводителем для начинающего»⁵⁷. «Литература русской библиографии» была по достоинству оценена и такими журналами, как «Современник» и «Атеней». Шло время; развивалась русская библиография, многие труды устаревали и становились лишь историческими памятниками, а «Литература» продолжала оставаться настольной книгой библиографов. Ф. Т. Тарасов в историко-критическом очерке «Наша библиография», опубликованном в 1890 году, назвал ее «прекрасным и до сих пор необходимым трудом»⁵⁸.

В 1913 году У. Г. Иваск писал: «Этот труд Геннади является пока единственным в своем роде; несмотря на свои недостатки и более чем полувекую давность, к нему и в настоящее время прибегают за справками»⁵⁹. Все историко-библиографические работы обобщающего плана опираются на материал, собранный Геннади. Даже теперь, когда, казалось бы, уже созданы более совершенные работы по библиографии второй степени, «Литература...» Геннади не может быть сдана в архив.

Таким образом, резюмируя все вышеизложенное, можно утверждать, что вклад Геннади в дело создания репертуара был очень значителен. Кроме Геннади, в 40-е—50-е годы над сбором материала для репертуара русской книги работали С. Д. Полторацкий и А. Ф. Смирдин, но их труды остались незавершенными и неопубликованными. О необходимости составления такого труда писал «Современник», выражавший взгляды передовой части русского общества.

Следует отметить, что создание репертуара русской книги расценивалось общественностью как важное патриотическое

дело, как подвиг во имя отечественной культуры. П. А. Вяземский, уговаривая С. Д. Полторацкого печатать его «библиографические сокровища», писал: «Книга твоя будет драгоценность, и ты скажешь: «Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный» — не только себе, но и русской литературе»⁶⁰. «Воздвигнемте себе памятник бумажный», — писал Геннади в цитированном выше письме к М. Н. Лонгинову, предлагая ему совместную работу по созданию полного свода русской книги. В «Литературе русской библиографии» он называет такую коллективную работу «подвигом». Действительно, подобная работа в условиях дореволюционной России была настоящим подвижничеством. Репертуар русской книги так и не был создан, но русская библиография оставила нам в наследство несколько крупных работ, являющихся серьезным вкладом в это громадное патриотическое дело. Среди авторов таких работ, вслед за Сопиковым, мы имеем полное основание назвать имя Григория Николаевича Геннади.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. Изд. 3-е, М., 1955, с. 284.

² Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, * фонд С. Д. Полторацкого, № 603, ед. хр. 189. Письмо от 23 янв. 1843 г., лл. 1—3.

³ См. там же, фонд Г. Н. Геннади, № 178, Tutti frutti. Записная книжка, л. 17, 29 марта 1845 г.

⁴ Здобнов Н. В. Цит. соч., с. 362.

⁵ ОРГПБ, фонд Г. Н. Геннади, № 178. Заметки на память Григория Геннади. лл. 5—6. (8 апр. 1852 г.).

⁶ Там же, л. 25 (30 октября 1853 г.).

⁷ Там же, л. 28 (4 декабря 1853 г.).

⁸ ОРГПБ, арх. В. П. Гаевского, № 84, Геннади Г. Н. Письма к В. П. Гаевскому. 24 июля 1854 г., л. 1—3.

⁹ Боднарский Б. С. Библиография. Энциклопедический словарь Рус. библиогр. ин-та Гранат. Т. 6. М., 1926, прил. после стбл. 640.

¹⁰ Сокурова М. В. Общие библиографии русских книг гражданской печати. 1708—1955. Аннотированный указатель. Изд. 2-е. Л., 1956, с. 111.

¹¹ Фрадкина З. Л. В. И. Межов (1830—1894). М., 1949, с. 5.

¹² Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР **, фонд М. Н. Лонгинова, Геннади Г. Н. Письма (14) к Лонгинову М. Н. 20 июня 1857 г. л. 1 — об. — 3.

¹³ Там же собр. Яковлева, ф. 357, оп. 3, № 20, Лонгинов М. Н. Письма (4) к Геннади Г. Н. 14 августа 1857 г., л. 1.

¹⁴ «Русский библиографический листок», 1858, № 4, с. 230.

¹⁵ Там же, с. 235—236.

¹⁶ «Книжный вестник», 1904, № 14, стлб. 407.

¹⁷ ОРГПБ, фонд Г. Н. Геннади. Записная книжка лл. 133—134, 15 января 1847 г.

¹⁸ Шамурин Е. И. Словарь книговедческих терминов. М., с. 185. (подчеркнуто нами — Л. Р.).

* В дальнейшем — ОРГПБ.

** В дальнейшем — РОИРЛИ.

- ¹⁹ Машкова М. В. Проблема репертуара книги в русской библиографии. Диссертация... Л., 1946. (Машинопись), с. 10.
- ²⁰ Там же, с. 80.
- ²¹ ОРГПБ, ф. Геннади. № 178. Геннади Г. Н. Tutti frutti. Записная книжка. с. 77.
- ²² Там же, с. 24.
- ²³ Там же, с. 140.
- ²⁴ ОРГПБ, ф. Геннади. № 178, Заметки на память Григория Геннади, с. 7.
- ²⁵ Там же, с. 10.
- ²⁶ Там же, с. 11—12.
- ²⁷ «Новь», 1885, № 9, с. 89.
- ²⁸ РОИРЛИ, арх. М. Н. Лонгинова, Геннади Г. Н. Письма (14) к М. Н. Лонгинову. (Август 1857 г.) лл. 1—1 об.
- ²⁹ Иваск У. Г. Григорий Николаевич Геннади (обзор жизни и трудов), М., 1913, с. 28—29.
- ³⁰ ОРГПБ, арх. С. Д. Полторацкого, ф. 603, № 117. Геннади Г. Н. Письма его (20) к С. Д. Полторацкому. 2 марта 1853 г., л. 1.
- ³¹ «Русский архив», 1866, № 4, стлб. 561.
- ³² Там же, 1868, № 12, стлб. 2001.
- ³³ «Искра», 1867, № 45, с. 556.
- ³⁴ Иваск У. Г. Цит. соч., с. 31.
- ³⁵ Каллаш В. В. Puschkiniana. Ч. 1. Киев, 1902, с. 5.
- ³⁶ «Книжный вестник», 1860, № 1—2, с. 26.
- ³⁷ «Московские ведомости», 1860, № 42, с. 324.
- ³⁸ ОРГПБ, ф. 178, № 113, Собко Н. П. Письма (9) к Григорию Николаевичу Геннади. 27 июля 1879 г., л. 3.
- ³⁹ РОИРЛИ, собр. Стравинского. Семевский М. И. Письмо к Геннади Г. Н. 26 августа 1879 г., л. 1.
- ⁴⁰ Сводку рецензий на «Словарь» Геннади см.: Иваск У. Г. Цит. соч., с. 57—58 и 60.
- ⁴¹ ОРГПБ, ф. 178, № 113. Собко Н. П. Письма (9) к Григорию Николаевичу Геннади. 5 августа 1879 г., л. 10.
- ⁴² Там же, л. 11.
- ⁴³ Иваск У. Г. Цит. соч., с. 57.
- ⁴⁴ Сокурова М. В. Цит. соч., с. 132.
- ⁴⁵ Там же, с. 133.
- ⁴⁶ Кауфман И. М. Русские биографические и библиографические словари. М., 1955, с. 296.
- ⁴⁷ РОИРЛИ, арх. М. Н. Лонгинова. Письма С. А. Соболевского к Лонгинову М. Н. 20 июля 1857 г., лл. 1—2.
- ⁴⁸ РОИРЛИ, арх. М. Н. Лонгинова. Письма С. А. Соболевского к Лонгинову. 209 предметов (Письмо относится к началу 1857 г.), лл. 23—25 об.
- ⁴⁹ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Т. 3, М., 1936, с. 115.
- ⁵⁰ ОРГПБ, ф. 603 (С. Д. Полторацкого), № 117. Геннади Г. Н. Письма его (20) к С. Д. Полторацкому. 2 марта 1853 г., л. 1.
- ⁵¹ Дерунов К. Н. Жизненные задачи библиографии. М., 1913, с. 12—13.
- ⁵² ОРГПБ, ф. 178, № 8, Заметки на память Григория Геннади, л. 4.
- ⁵³ Там же, л. 7.
- ⁵⁴ РОИРЛИ, фонд М. Н. Лонгинова. Геннади Г. Н. Письма (14) к Лонгинову М. Н. 20 июля 1957 г., л. 1.
- ⁵⁵ Письма... к библиографу С. И. Пономареву. М., 1915, с. 121.
- ⁵⁶ РОИРЛИ, ф. 357, оп. 3, № 24, Пономарев С. И. Письма к Геннади Г. Н. 19 апреля 1861 г., л. 2-об.
- ⁵⁷ «Русский библиографический листок», 1858, № 4, с. 236.
- ⁵⁸ «Северный вестник», 1890, № 5, с. 207.
- ⁵⁹ Иваск У. Г. Цит. соч., с. 28.
- ⁶⁰ «Новь», 1885, № 9, с. 89.